

9 АПР 1988
СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

К 90-летию Поля Робсона, американского певца и общественного деятеля



Он пришел, чтобы петь

КОГДА я думаю о Поле Робсоне, то вспоминаю строку из поэмы Пабло Неруды: «Я пришел сюда, чтобы петь».

Выдающийся негритянский певец, известный общественный деятель Поль Робсон считал, что эти слова обращены и к нему, часто любил их повторять. И талант свой на протяжении всей жизни отдавал борьбе за права человека, за подлинную свободу и мир на земле.

Его отец был в юности рабом в штате Северная Каролина, но бежал оттуда на Север, мечтая стать свободным и получить образование. Можно себе представить, чего это ему в итоге стоило — чернокожему, сумевшему осуществить мечту и стать священником в маленькой негритянской церкви! Свою убежденность в том, что люди независимо от цвета кожи равны, он передал четырем сыновьям.

Поль Робсон вошел в этот мир, поражая окружающих своими разносторонними способностями. Один из трех первых студентов-негров, которым удалось добиться государственной стипендии, он преуспевал в науках и спорте. Но блестящего студента Колумбийского университета влекла музыка и сцена. Мы знаем о том, что еще в студенческие годы он стал серьезно работать в экспериментальной театральной труппе и исполнять народные негритянские песни. Сын вчерашнего раба, он с молоком матери впитал в себя боль, радости и надежды своего народа, выплеснувшиеся в его песнях. Уже первые выступления молодого Робсона потрясали слушателей не только могучим голосом необычайно широкого диапазона и драматическим даром, но и трагической силой социального гнева и непримиримости, казалось, исходящей от него.

Пришло время, и в 1930 году в лондонском театре «Савой» Поль Робсон сыграл заветную роль Отелло, снискав у строгих английских шекспироведов почетное звание «Лучший Отелло XX века». После этого он снялся в нескольких американских и английских фильмах. Одна из работ, которая была ему особенно дорога, — образ чернокожего шахтера в картине «Гордая долина». Его признали, перед ним, казалось, широко раскрывались заветные двери в искусство... Но он не мог жить только сценой, не мог купаться в успехе, пока рядом слышатся стоны миллионов угнетенных.

Всей своей жизнью Поль Робсон давал однозначный ответ на вопрос, может ли художник в современном мире жить только «чистым» искусством, отгородившись от бурь и проблем своего времени. Нет, ни при каких обстоятельствах! Даже если тебя за это жестоко преследуют, лишают возможности заниматься любимым делом, угрожают твоей свободе и жизни.

Я НЕ РАЗ встречался с Полем Робсоном во время его последних приездов в Москву. Это было в 50—60-е годы, когда после речи, произнесенной в Париже в 1949 году на I Всемирном конгрессе сторонников мира, имя великого сына негритянского народа заново как бы узнали в нашей стране буквально все — и стар, и мал. Там, в парижском зале Плейель, Поль Робсон не просто выступил против поджигателей новой войны, а высказал прямые, идущие от сердца слова любви и признательности советскому народу, который уже успел хорошо узнать.

— Когда в 1934 году я приехал в Советский Союз, — сказал он, — я впервые в жизни почувствовал себя человеком. Немыслимо, чтобы мы приняли участие в войне против страны, которая на протяжении жизни одного поколения вернула сотни миллионов угнетенных людей всего мира к осознанию человеческого достоинства. Я заявляю: негры Америки, как и негры всего мира, не будут никогда, слышите, никогда не будут воевать против Советского Союза!

Он всегда верил нам и верил в нас. Когда началась Великая Отечественная война, он публично заявил: «У меня нет никакого сомнения, что Гитлер найдет себе в России могилу». Он давал в городах Америки концерты в фонд помощи СССР, исполняя советские песни и рассказывая своим слушателям о нашей стране.

Далеко не всем это нравилось за океаном. В годы «холодной войны», в период разгула маккартизма Полю Робсону дорого обходи-

лась любовь к Стране Советов, его борьба за мир, за права человека. Великого певца пытались запугать своими вылазками не только оголтелые расисты. Сам президент Трумэн подписал указ, запрещающий Робсону в течение пяти лет выезжать из США под угрозой тюремного заключения и штрафа, а также предоставлять ему для выступления частные или общественные концертные залы, средства массовой информации.

Неудивительно, что каждого приезда этого человека к нам мы ждали с особым чувством. Москва всегда рада доброму гостю. Редкие сердечность и теплота исходили от добродушного гиганта с поразительной, какой-то детской открытой улыбкой. Он всегда был окружен людьми, будь то писатели или колхозники, рабочие или музыканты. У меня хранится фотография, где запечатлена встреча в Доме композиторов, который тогда еще находился в подвале на 3-й Мусской улице. Вот он стоит, а мы — Дмитрий Покрасс, Матвей Блантер, Анатолий Новиков и автор этих строк, окружаем его. О чем мы говорили? Ну конечно же, о советской песне, которую он так любил. До сих пор стоят в памяти его раздольное, как Волга, раскатистое «Широка страна моя родная» И. Дунаевского и «От края и до края, от моря и до моря...» — из оперы «Тихий Дон» И. Дзержинского. Сделав паузу, он весело, с любовью оглядывает зал и, простерев к нему руки, говорит по-русски: «Хорошие ребята! Жизнь по-своему переделают!»

Он не просто пел. Он проживал эти слова вместе с народом, о котором и для которого пел. С его радостями и муками, победами и потерями, делами и надеждами. Глядя сегодня на советско-американские телестолы, радуясь тому, как непросто, но все более уверенно мы, народы двух великих стран, ищем пути друг к другу, я ловлю себя на мысли, что Поль Робсон был тем человеком, который одним из первых строил опору моста нашего доверия.

Он немножко говорил по-русски, а понимал, кажется, чуть ли не все. Когда звучали народные песни или любимая им музыка Мусоргского, он становился сосредоточенным, погружался в себя. Так слушают что-то очень важное, дорогое, жизненно необходимое. Мусоргский неудержимо влек его к себе. В его репертуаре были арии из опер «Борис Годунов» и «Хованщина», произведения других русских композиторов. А Иван Семенович Козловский был восхищен тем, как однажды на концерте Робсон великолепно исполнил украинскую народную песню.

Мне думается, что сейчас, когда американцы начинают испытывать все больший интерес к русскому и советскому искусству, нашей музыке и песне, просто необходимо, чтобы они услышали, как это пел их соотечественник. И, как я полагаю, инициатива должна исходить от нас.

В КАЖДЫЙ свой приезд он все больше и больше открывал для себя Советский Союз, а мы открывали благодаря ему Америку честных и талантливых людей, которые стремятся жить в этом мире по законам братства и справедливости для всех, кто рожден человеком. В 1950 году ему присудили Международную премию мира, а в 1953 году он стал лауреатом международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами». Узнав об этом, он сказал на пресс-конференции:

— Почетная награда, которой я удостоен, принадлежит не только мне. Я отношу ее ко всем честным американцам, поднимающим свои голоса в защиту мира... Это награждение имеет важное значение для освобождения движения угнетенных народов в США и за рубежом. Борьба за свободу неотделима от борьбы за мир, за человеческое достоинство, за конституционные права, против гетто. Борьба за мир важна для всех прогрессивных американцев, как белых, так и черных.

...О всей земле будем думать
и гневно стучать кулаком.
Я не хочу, чтобы крозь пропитала
музыку, хлеб и бобы...
Я пришел сюда, чтобы петь
И чтоб ты пел со мною вместе.

Тихон ХРЕННИКОВ.